

ЯНА МОРН

ИСКРА
ДРАКОНА

Яна Морн
Искра Дракона

«Автор»

2026

Морн Я.

Искра Дракона / Я. Морн — «Автор», 2026

Меня вырвали из моего мира и приковали к дракону магическими узами. Он — владыка, не привыкший просить. Я — врач, не умеющая подчиняться. Но мой дар нужен его врагам, а моя жизнь зависит от него. И чем дольше я смотрю в его глаза, тем меньше хочу бежать.

© Морн Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Яна Морн

Искра Дракона

Пролог

Будильник прозвенел в шесть сорок, но я к тому времени уже полчаса лежала без сна, вслушиваясь в то, как ноябрьский дождь лупит по жестяному отливу над окном, и звук этот был такой, будто кто-то методично сыпал с крыши горсть за горстью мелких гвоздей.

Вставать не хотелось до такой степени, что я честно попробовала уговорить себя заболеть — прислушалась к горлу, к вискам, проверила пульс на запястье и с досадой обнаружила ровные шестьдесят два удара в минуту, чёткие, как метроном, не оставляющие ни единой лазейки для прогула.

Пришлось выбираться из-под одеяла, и пол встретил ступни привычным ледяным укусом — в этом году батареи грели так, словно в котельной работали по одному часу через день, а в перерывах пили чай и смотрели телевизор. Я доковыляла до ванной, по пути на ощупь сдёрнув с вешалки старый махровый халат, который помнил ещё мои студенческие времена.

Напротив зеркала задержалась ровно на секунду, чтобы оценить масштаб бедствия: бледное лицо, тени под глазами, волосы, торчащие в разные стороны, будто после драки с подушкой, в которой подушка, кажется, одержала безоговорочную победу. Я подмигнула своему отражению и тут же отвернулась, потому что с некоторых пор предпочитала не разглядывать себя подолгу, особенно по утрам.

Ледяная вода из крана обожгла лицо, и, пока я растирала щёки, стараясь разогнать кровь, пальцы случайно задели цепочку на шее и скользнули к кулону — бабушкиной стрекозе, чей металл сегодня холодил кожу как-то иначе, не уличным ноябрьским холодом, а чем-то внутренним, глубинным, словно кулон промёрз насквозь сам по себе, без всякой помощи погоды.

Бабушка умерла пять лет назад — тихо, во сне, оставив мне только этот кулон и один странный секрет, о котором я почти не вспоминала в обычной жизни, но который то и дело напоминал о себе сам.

Воспоминание всплыло без спроса, как оно всегда делало в минуты затишья: мне семь лет, я прибегаю с улицы с разбитой коленкой, и бабушка, пахнувшая ромашкой и чем-то горьковато-травяным, усаживает меня на старый деревянный табурет, приговаривая «сейчас, стрекозка, сейчас», а потом её тёплые ладони накрывают ссадину, и из пальцев льётся золотой свет — живой, густой, похожий на разлитый мёд, — и боль тает прямо под кожей, ранка затягивается, не оставляя даже намёка на шрам. «Это наш секрет», — шепчет она потом, глаза у неё в тот момент не ласковые, а серьёзные, почти строгие, добавляет отдельно, по слогам, чтобы точно дошло до семилетней меня: «Никому. Никогда».

Я помню тот взгляд до сих пор — он возвращается ко мне каждый раз, когда в пальцах просыпается знакомое тепло.

К девяти утра я уже сидела в ординаторской, заполняя карты, день катился привычной колеёй — пациенты, осмотры, рецепты, стандартные жалобы на стандартные болячки, — пока на приём не зашёл молодой парень с красной сыпью на предплечье и не нарушил этот отлаженный, почти медитативный порядок.

Он был студентом, то ли второкурсником, то ли третьекурсником, судя по затёртому рюкзаку с логотипом политеха, запах табака от него шёл такой густой, будто он выкурил полпачки прямо перед дверью кабинета, пытаясь унять волнение. Пальцы у него заметно дрожали, и он

то и дело прятал их в карманы джинсов, но они снова выскальзывали наружу, теребя молнию на рукаве.

— Уже неделю, — сказал он, стягивая рукав толстовки, в голосе его мелькнула та особенная смесь смущения и надежды, с какой обычно приходят к врачу студенты, не привыкшие жаловаться. — Сначала думал, пройдёт.

Я взяла его за запястье, чтобы осмотреть воспаление, и в ту же секунду внутри проснулось оно — тепло, не моё и не чужое, заворочалось где-то глубоко в груди, скатилось в ладони и запульсировало на кончиках пальцев, настойчиво, требовательно, словно пёс, рвущий поводок при виде знакомой двери. Исцелить.

Парень смотрел на меня — доверчиво, открыто, даже не подозревая, что в двадцати сантиметрах от его воспалённой кожи происходит нечто, чему нет объяснения ни в одном медицинском учебнике и чему я сама не могу подобрать названия, хотя живу с этим уже много лет.

Я мягко отпустила его руку и отодвинулась вместе со стулом, превращая это движение в обычную врачебную паузу перед выпиской рецепта.

— Контактный дерматит, — произнесла я ровным голосом, уже заполняя бланк. — Мазь дважды в день, утром и вечером. Через неделю зайдёте на контроль, посмотрим динамику.

Он кивнул, забрал рецепт, закинул рюкзак на плечо, и уже у двери обернулся, улыбнувшись коротко и смущённо.

— Спасибо вам, доктор.

Когда дверь за ним закрылась, я перевернула ладони вверх и долго смотрела на них — по центру каждой багровели полумесяцы от ногтей, а я даже не заметила, в какой момент успела сжать кулаки с такой силой, что оставила следы. Бабушкин голос прозвучал в голове яснее, чем мой собственный: нельзя лечить, нельзя светиться, нельзя выделяться. Я сунула руки в карманы халата и пошла к следующему пациенту, надеясь, что рабочий день вытеснит из мыслей этот проклятый золотой свет, который с каждым годом становился всё настойчивее.

Вечером я возвращалась через двор одна, и фонарь над аркой, разумеется, не горел — когда он вообще горел в этом дворе? Лужи под ногами лишь угадывались по маслянистым отблескам чужих окон, в которых тут и там горел жёлтый уютный свет чужой нормальной жизни. Я почти поравнялась с подъездом, когда кулон на груди вдруг ожил.

Сначала пришёл холод. Я инстинктивно схватилась за металл пальцами, но тут же отдернула руку, потому что он обжигал морозом, словно раскалённый добела, только со знаком минус. А следом пошёл звук — тонкий, высокий звон, похожий на треск лопающегося от жара стекла, и он нарастал, заполняя собой всё пространство двора.

Телефон выскользнул из кармана, и я включила фонарик, поведя лучом вдоль мусорных баков, которые выстроились в ряд у дальней стены дома.

Синий свет пульсировал у самой земли — ритмично, навязчиво, будто билось сердце, закопанное под асфальтом. Воздух вокруг него сгущался, вибрировал, и от этой вибрации у меня начало ломить зубы, а к горлу подкатил комок тошноты.

Я попятилась, выставив перед собой руку, но опоздала на какую-то долю секунды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.